РУССКАЯ МЫСЛЬ

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ТРЕТІЙ

КНИГА IV

МОСКВА—1912

ОГЛАВЛЕНІЕ.

---

1. Редакція для пріема и выдачи рукописей открыта по *средамъ* отъ 2—4 час. дня. (Москва, Ваганьковскій п., 3.)

2. Редакція принимаетъ только рукописи, переписанныя на машинкѣ или совершенно четко перомъ; рукописи неразборчивыя не читаются.

3. На прочтеніе рукописи полагается срокъ отъ 6 недѣль до 2 мѣсяцевъ.

4. Мелкія рукописи (меньше 1 печатнаго листа) и рукописи стихотвореній не сохраняются, и редакція рекомендуетъ авторамъ такихъ произведеній оставлять у себя ихъ копіи.

5. По поводу мелкихъ рукописей и стихотвореній редакція не вступаетъ съ гг. авторами ни въ переговоры, ни въ переписку, хотя бы на отвѣтъ были приложены марки. Авторы такихъ произведеній, не получившіе отвѣта въ теченіе 2 мѣсяцевъ, могутъ располагать ими по своему усмотрѣнію.

6. Обратная пересылка рукописей по почтѣ производится за счетъ гг. авторовъ и притомъ исключительно *заказной* бандеролью.

На перевалѣ.

Смута въ литературѣ и жизни.

I.

Да существуетъ ли на самомъ дѣлѣ эта смута? Н. К. Михайловскій въ 90-хъ годахъ много писалъ о литературной смутѣ, объ отказѣ отъ наслѣдства отцовъ и т. д. А теперь мы доподлинно знаемъ, что то была эпоха идейнаго подъема, нарожденія и развитія такого могучаго теченія, какъ русскій марксизмъ, что тогда зачинались наши политическія партіи, а литература обогащалась яркими твореніями крупныхъ талантовъ. Быть можетъ, и теперь то же самое... Быть можетъ, въ то время, какъ слѣпые кричатъ объ упадкѣ, смутѣ, чуть ли не гніеніи,—въ литературѣ и въ жизни, наоборотъ, идетъ созидательный творческій процессъ?...

Но нѣтъ... Кажется, что на этотъ разъ слово „смута" произнесено вѣрно, что для утѣшительныхъ выводовъ матеріала нѣтъ. Таланты, конечно, есть, и таланты не малые. Но сила ихъ сказывается только тогда, когда они говорятъ: „нѣтъ". Всѣ же ихъ „да", всѣ утвержденія звучатъ какъ-то безсильно, неискренно, фальшиво. Безъ правды нѣтъ творчества. Неправдивыя, тенденціозныя, надуманныя, хотя и благонамѣренныя, „положительныя" книги остаются внѣ литературы и никакого вліянія ни на кого не производятъ... Не то что господствующаго, но даже, вообще, никакихъ сколько-нибудь широкихъ идейныхъ теченій незамѣтно. Кто теперь „властитель думъ"? Вѣдь не Арцыбашевъ же и не Вербицкая? Кто изъ философовъ владѣетъ умами? Нѣтъ ничего опредѣленнаго. Царитъ смута. Вмѣсто идейной полемики идетъ отвратительная мелкая грызня, въ которой сводятся личные счеты, выливается мелкая злоба неудачниковъ противъ удачниковъ, въ которой каскадомъ словъ пытаются прикрыть отсутствіе мысли.

Съ особой радостью берешься поэтому за статьи, въ которыхъ думаешь найти не шаблонныя выходки литературныхъ кондотьеровъ, а

споръ по существу, искреннее слово, продиктованное подлинной скорбью и прочувствованной мыслью. Всѣ другъ друга бранятъ и ругаютъ. У каждаго противъ другого за пазухой камень. Упрекаютъ другъ друга въ одинаковыхъ преступленіяхъ: въ вольномъ и невольномъ служеніи реакціи, въ мѣщанствѣ, въ буржуазности, въ оплевываніи демократіи, революціи, молодежи, въ мистицизмѣ и націонализмѣ и проч., и проч. Надо же на самомъ дѣлѣ разобраться въ этой сварѣ...

И вотъ раздался голосъ съ острова Капри. „Издалека“ заговорилъ М. Горькій, сначала въ *Запросахъ Жизни*, а затѣмъ въ *Русскомъ Словѣ* (№№ 51 и 52) „О современности“. Несмотря на послѣднія художественныя неудачи, М. Горькій все же одинъ изъ любимѣйшихъ на Руси писателей. У него есть моральный авторитетъ и къ его словамъ надо прислушаться. Мы можемъ, по крайней мѣрѣ, быть увѣренными, что въ его словахъ встрѣтимся съ искреннею мыслью, а не съ хитро задуманнымъ партійнымъ или личнымъ полемическимъ выпадомъ...

II.

Если бы нужно было яркое доказательство царящей нынче въ головахъ россійской интеллигенціи смуты, то, конечно, достаточно было бы сослаться на статьи М. Горькаго, особенно на огромную проповѣдь, напечатанную въ *Русскомъ Словѣ*. Вся она точно соткана изъ противорѣчій. Одинъ абзацъ воюетъ съ другимъ. Отовсюду торчатъ концы несвязанныхъ одна съ другой нитей, непродуманныхъ до конца мыслей, ни на чемъ неоснованныхъ утвержденій. Каждая изъ существующихъ у насъ партій, отъ революціонныхъ соціалистовъ до крайнихъ черносотенцевъ, можетъ найти у Горькаго множество мыслей своего обихода и можетъ побѣдоносно обрушиться на цѣлый рядъ его бездоказательныхъ утвержденій. Одинъ изъ столповъ дубровинскаго *Русскаго Знамени*, Н. Полтавецъ, послалъ, напримѣръ, М. Горькому такой жирный поцѣлуй: „Съ момента появленія знаменитыхъ *Вѣхъ* выступленіе идейнаго основателя школы соціалистовъ на о. Капри—едва ли не самое крупное выступленіе обличительнаго характера противъ русскаго освобожденства. Значитъ круто пришлось сверхъ-популярному автору „Ѳомы Гордѣева“ и знаменитаго „Дна“, ежели онъ возопіялъ противъ квазилитературной грязи и пошлости новорежимнаго писательства“ (*С.-Петербургскія Вѣдомости*, № 54). По господствующимъ у насъ въ литературѣ обычаямъ одного такого лобзанія дубровинскаго молодца достаточно, чтобы обезцѣнить всю проповѣдь М. Горькаго. Но, конечно, этотъ обычай судить не о томъ, что говоритъ самъ авторъ, а по тому, какъ встрѣтили или исказили его слова Полтавецъ, Пуришкевичъ, арх. Антоній,—скверный обычай, свидѣтельствующій лишь о безсиліи мысли, о неспособности спорить по существу.

Мы по этому пути не пойдемъ. Не прибѣгнемъ мы и къ другому очень легкому и къ убійственному для Горькаго аргументу, къ противопоставленію того, что онъ проповѣдуетъ теперь о вредѣ „индивидуализма", о необходимости „жалости" и „осторожности" къ человѣку, съ тѣмъ, что не такъ давно восхвалялъ онъ самъ, пѣвецъ „босяка", Челкаша, Орлова, самый подлинный и яркій индивидуалистическій анархистъ въ русской литературѣ. Этотъ полемическій пріемъ мы называемъ убійственнымъ для М. Горькаго вовсе не потому, что онъ указываетъ на перемѣну имъ взглядовъ, на его „перевертничество", которое онъ громитъ теперь въ своихъ статьяхъ. Нѣтъ, мы не сомнѣваемся, что М. Горькій искренно измѣнилъ свои взгляды, и ничего въ этомъ зазорнаго не видимъ. Бѣда въ другомъ. Бѣда въ томъ, что когда М. Горькій въ „Челкашѣ", „Супругахъ Орловыхъ", „Мальвѣ" воспѣвалъ хищный индивидуализмъ, онъ отливалъ яркими цвѣтами таланта, онъ творилъ, а когда онъ превратился въ „коллективиста", то сталъ сочинять лубочныя „Мать", „Лѣто", сталъ выдумывать по Луначарскому „народушко-богоносца", писать изумительные философскіе напыщенные трактаты о коллективизмѣ и проч., и проч. Значитъ—сдѣлаютъ изъ этого выводъ—правда не въ томъ, что теперь смиренномудро, но тоскливо, вѣщаетъ Горькій, а въ томъ его буйственномъ подъемѣ, которымъ нѣкогда онъ увлекалъ русскихъ читателей.

Но полемика съ М. Горькимъ сама по себѣ насъ не интересуетъ... Онъ—такая же жертва современной смуты, какъ и тѣ, кого онъ обличаетъ. Онъ и самъ не знаетъ, куда итти и куда звать людей. Онъ самъ еще борется съ собой. Онъ ищетъ. Тяжелый путь прошелъ онъ въ своихъ исканіяхъ. Только что онъ вырвался изъ угнетавшаго его большевистскаго соціалъ-демократическаго плѣна. Въ статьѣ его въ *Русскомъ Словѣ* живо звучитъ чувство радости по поводу этого освобожденія. „Культурный русскій человѣкъ,—пишетъ, напримѣръ, онъ,—не далеко отошелъ отъ русскаго мужика: какъ тотъ, такъ и другой одинаково деспотичны и, посадивъ полицейскаго внутрь себя, съ одинаковой жестокостью командуютъ ближними въ цѣляхъ обращенія ихъ въ свою вѣру. У обоихъ фанатизмъ и нигилизмъ легко перерождаются въ формализмъ—нѣчто механическое, мертвое... Стоитъ только внимательно изучить исторію строенія и жизни любой великорусской секты и *любой интеллигентской партіи:* и тамъ и тутъ вы встрѣтите одинаковую склонность къ схоластикѣ, дробленіе на фракціи и кружки правовѣрующихъ, то же стремленіе со стороны вѣроучителей и *лидеровъ къ власти надъ людьми*, а ужъ если человѣкъ желаетъ командовать ближнимъ, это — вѣрный признакъ, что ему совершенно недоступны пониманіе смысла свободы и ощущеніе ея красоты".

Святая истина! Намъ она извѣстна давно и давно нами громко вы-

сказана. Горькому пришлось испытать на себѣ самомъ тяжелую руку Ленина, чтобы сдѣлать открытіе о деспотизмѣ, формалистикѣ и нетерпимости партійной русской интеллигенціи. Но вѣдь это открытіе давно уже сдѣлано тѣми людьми, которыхъ и теперь М. Горькій пытается третировать, какъ враговъ демократіи...

Но Горькій ищетъ, и поиски этого незауряднаго ума представляютъ большой интересъ. Правда, разбираясь во множествѣ противорѣчій, изъ которыхъ составлена его статья, трудно отдѣлаться отъ впечатлѣнія: прошелъ медвѣдь по лѣсу и вонъ сколько обломалъ вѣтвей! Но, быть можетъ, онъ всетаки проложилъ какую ни на есть просѣку. Быть можетъ, есть какой-нибудь просвѣтъ. Посмотримъ на нѣкоторыя изъ его противорѣчій...

III.

М. Горькій боится „дѣтской болѣзни націонализма“, которой еще не переболѣли его „земляки“. „Не будетъ ничего удивительнаго,—скорбитъ онъ,—если въ чаду націонализма временно задохнется не только нашъ неокрѣпшій соціализмъ, но и шаткій нашъ демократизмъ“. „Дѣтская болѣзнь“, какъ видимъ, не на шутку испугала М. Горькаго. Дѣло въ томъ, что онъ самъ уже, вѣроятно, того не сознавая, зараженъ этой болѣзнью. Подъ вліяніемъ ея въ мозгу его всѣ предметы утратили свои реальныя очертанія и пріобрѣли фантастическій обликъ. Характеризуя психологію русскаго человѣка, очевидно не безъ намека на Достоевскаго, Горькій, напримѣръ, пишетъ: „Становится допустимымъ, что борьба дьявола и Бога въ сердцѣ человѣка, можетъ быть, просто борьба славянина съ монголомъ“. Это ли не торжество даже не націоналистической, а расовой точки зрѣнія? Все, что намъ не нравится въ русскомъ человѣкѣ, есть отъ „монгола“. И это не обмолвка. Въ цѣломъ рядѣ другихъ мѣстъ М. Горькій доказываетъ, что психика великорусса ниже психики украинцевъ и поляковъ. Боясь „дѣтской болѣзни націонализма“, Горькій заболѣлъ ею навыворотъ. „Почему у поляковъ,—восклицаетъ онъ,—не слышно столь громкой проповѣди пессимизма и соціальнаго нигилизма“, и цитируетъ имена Мицкевича, Словацкаго, Красинскаго, Выспянскаго. „Почему въ украинской литературѣ,—спрашиваетъ онъ,—нѣтъ этихъ однообразныхъ утвержденій безсмысленности бытія... проповѣди индивидуализма, восходящаго къ яростному нигилизму?“ Увы!—всѣ эти вопросы М. Горькаго свидѣтельствуютъ только, что онъ едва ли знаетъ тѣхъ авторовъ и тѣ литературы, о которыхъ пишетъ. Польскій Пшибышевскій во много разъ талантливѣе русскаго Арцыбашева, и его проповѣдь „соціальнаго нигилизма“ страшнѣе арцыбашевской. Даже по тому, что появилось въ русской литера-

турѣ о „Свадьбѣ“ Выспянскаго, М. Горькій могъ бы знать, что пессимизма въ этой пьесѣ болѣе, чѣмъ достаточно. Что касается Мицкевича и другихъ корифеевъ польской литературы, то неужели же М. Горькій ничего не слыхалъ ни объ ихъ націонализмѣ и патріотизмѣ, ни объ ихъ мессіанизмѣ и мистицизмѣ, сплошь и рядомъ приводившемъ ихъ къ ортодоксальному католицизму?

Впрочемъ, представленія М. Горькаго даже о русской литературѣ столь смутны и хаотичны, что становится невольно обидно за него. Негодуя на современниковъ, якобы отвернувшихся отъ старой русской литературы, М. Горькій поучаетъ ихъ: „Русская литература была очень сильна своимъ демократизмомъ, своимъ страстнымъ стремленіемъ къ рѣшенію задачъ соціальнаго бытія, пѣснями въ честь свободы, глубокимъ интересомъ къ жизни народа“ и т. д. Но черезъ два столбца онъ уже объ этомъ забылъ и пишетъ: „Этимъ увѣчьемъ, нанесеннымъ намъ ударами тяжелой нашей исторіи, и объясняется тяготѣніе русской литературы къ пессимизму и анархизму. Этимъ же слѣдуетъ объяснить и тотъ фактъ, что мы беремъ съ Запада не активныя идеи, наиболѣе характерныя для творчества европейца, а идеи пассивныя, какъ наиболѣе сродныя намъ, созданныя Востокомъ и являющіяся на западѣ въ періоды усталости“... Надо ли доказывать, что и тутъ Горькій говоритъ о томъ, чего совершенно не знаетъ. Прослѣдите смѣну „идей“, которыя мы брали съ Запада, хотя бы съ 20-хъ годовъ XIX в., и вы увидите, что огромное большинство ихъ были во всякомъ случаѣ идеями „активными“ и брались оттуда именно потому, что служили той революціонной работѣ, которую совершала наша интеллигенція. Достаточно назвать: романтизмъ, лѣвое гегеліанство, утопическій соціализмъ, фейербаховскій антропологическій принципъ, матеріализмъ Бюхнера, позитивизмъ Ог. Конта, марксизмъ и т. д. и т. д. Если въ чемъ и можно упрекнуть русскую интеллигенцію, такъ это въ томъ, что она мало обращала вниманія на творческія, созидательныя идеи Западной Европы, а никакъ не въ томъ, что она вывозила оттуда „пассивныя“ идеи. Кромѣ кратковременнаго увлеченія Бѣлинскаго и Бакунина правымъ гегеліанствомъ, и вспомнить-то не о чемъ.

Въ *Запросахъ Жизни* (№ 7) М. Горькій опубликовалъ такой литературный манифестъ: „Было бы хорошо, если бы современная молодежь отъ холодныхъ риторовъ сегодняшняго дня возвратилась на отдыхъ къ великой русской литературѣ Пушкина, Тургенева, Лѣскова, къ литературѣ младшихъ богатырей. Прекрасно можно отдохнуть душою на милыхъ книгахъ Левитова, одного изъ лучшихъ лириковъ въ прозѣ. Хорошо подумать съ Помяловскимъ и Слѣпцовымъ“... Трудно сказать, съ чѣмъ мы тутъ имѣемъ дѣло, съ кощунствомъ или варварствомъ. Исключить изъ русской литературы Толстого и Достоевскаго, замѣнить ихъ

„милыми книгами Левитова“ и Помяловскимъ со Слѣпцовымъ, съ которыми „хорошо подумать“,—да, воистину правъ Горькій, мало еще у насъ элементарной культурности! И опять-таки, этотъ пропускъ не обмолвка, онъ—свидѣтельство той смуты, которая царитъ въ его душѣ и головѣ. Вѣдь и въ *Русскомъ Словѣ* онъ спрашиваетъ: «Почему Мицкевичъ, Словацкій, Красинскій, Выспянскій и другіе ихъ (поляковъ) знатоки тайнъ человѣческой души не открыли въ ней пагубныхъ началъ „карамазовщины“ и „каратаевщины“. Кстати, „кара“—слово тюркское и значитъ „черное“». Сближеніе очень остроумное и каламбуръ безусловно удачный,—но неужели Горькій серьезно ставитъ въ вину Достоевскому и Толстому то, что они открыли „карамазовщину“ и „каратаевщину“? Вѣдь это было бы равносильно тому, какъ если бы англичанинъ сталъ упрекать Шекспира за Гамлета, а Байрона—за Чайльдъ-Гарольда, которые къ „положительнымъ типамъ“ тоже не принадлежатъ!...

Нечего и говорить о томъ, что когда Горькій рекомендуетъ современной литературѣ и молодежи вернуться къ прежнимъ „традиціямъ“, онъ безнадежно запутывается въ двухъ традиціяхъ, яркой нитью проходящихъ сквозь русскую культуру: традиціи художественной и традиціи публицистической. Бывали моменты и пункты, гдѣ эти традиціи соприкасались, но въ общемъ и цѣломъ онѣ шли раздѣльно и нерѣдко жестоко другъ съ другомъ враждовали. Пушкинъ, Гоголь, Лермонтовъ, Тургеневъ, Тютчевъ, Фетъ, Гончаровъ, Достоевскій, Толстой—это одна традиція; Бѣлинскій, Добролюбовъ, Чернышевскій, Писаревъ, Михайловскій, Плехановъ—это другая традиція. Конечно, нашему поколѣнію, быть можетъ, яснѣе, чѣмъ прочимъ, видна необходимость синтеза этихъ двухъ традицій, которыя лишь послѣ этого прочно войдутъ плодотворнымъ элементомъ въ психику рождающейся русской демократіи. Но такого синтеза еще нѣтъ. Въ созданіи его и заключается основной культурный вопросъ нашего времени. Отдѣлаться отъ него простыми словесными заклинаніями и призывами нельзя. Изъ этихъ пустыхъ призывовъ ничего не выйдетъ. Вотъ Горькій зоветъ къ „традиціямъ“, жестоко осуждаетъ „безжалостность къ старымъ вѣрованіямъ“, которая „тѣсно связана съ утратой состраданія къ людямъ“, скорбитъ, что душа современника „не можетъ быть пріемникомъ стойкихъ традицій, крѣпкой вѣры“. А знаетъ ли Горькій, что представители русской художественной традиціи, Гоголь, Тургеневъ, Достоевскій, даже Толстой перваго періода, въ томъ же самомъ, почти буквально тѣми же словами, упрекали представителей публицистической традиціи?

Слыхалъ ли Горькій объ этомъ кардинальномъ явленіи русской культуры и о какой традиціи онъ говоритъ?

IV.

Надежда, что въ статьяхъ М. Горькаго читатель встрѣтится только съ идейной полемикой безъ личныхъ нападокъ, къ сожалѣнію, не оправдалась. Въ статьяхъ пущено много и пароянскихъ и отравленныхъ стрѣлъ противъ различныхъ литераторовъ. Знакомый съ литературными мелочами послѣднихъ дней безъ труда разберетъ, что „защитникъ Буренина, признаннаго убійцей Надсона“, это Арабажинъ, что громы противъ „переоцѣнки дѣятельности Іуды Искаріота“ направлены на Леонида Андреева, что въ другихъ мѣстахъ своей проповѣди Горькій мѣтитъ въ Чуковскаго, Арцыбашева, Гершензона, что онъ говоритъ о скандалахъ, устраиваемыхъ Купринымъ. Къ сожалѣнію, говоря обо всемъ этомъ, Горькій не рѣшился дѣйствовать прямо и открыто: назвать по именамъ неугодныхъ ему литераторовъ и заклеймить дурное въ ихъ дѣятельности. Вмѣсто того, онъ придалъ своимъ обвиненіямъ слишкомъ общій и расплывчатый характеръ. Вмѣсто ясности мысли получился туманъ: вещи неважныя, мелочи переплелись съ явленіями дѣйствительно массовыми и по меньшей мѣрѣ тревожными. Прямое, конкретное, открытое нападеніе было бы не только достойнѣе, но и цѣлесообразнѣе.

А то, стрѣляя по Леониду Андрееву, Горькій, напр., разражается такой тирадой: „Основная тенденція современной литературы сводится болѣе или менѣе къ переоцѣнкѣ дѣятельности Іуды Искаріота“. Нужно ли серьезно опровергать эту бутаду? Горькій жестоко громитъ современную литературу и призываетъ къ возвращенію къ традиціямъ, на литературу онъ возлагаетъ и отвѣтственность за самоубійства. Но вотъ что странно: *Русское Богатство, Современный Міръ, Вѣстникъ Европы*, сборники „Знанія“, въ которыхъ участвуетъ самъ Горькій, крупнѣйшія провинціальныя газеты (*Одесскія Новости, Кіевская Мысль* и др.), самая распространенная московская газета *Русское Слово*—вѣдь всѣ эти изданія повторяютъ слова и нравоученія самого Горькаго. Почему же онъ думаетъ, что всѣ эти изданія не оказываютъ на читателя никакого вліянія, а имѣютъ вліяніе только тѣ немногіе литераторы, на которыхъ онъ ополчается и которые въ сущности не владѣютъ даже собственными органами? Не проявляется ли въ этихъ нападкахъ какого-то чувства собственнаго безсилія, какого-то горестнаго сознанія, что моя проповѣдь на читателей не дѣйствуетъ? Тутъ что-то не такъ, тутъ есть какая-то ложь!

Если бы ея не было, Горькому не надо было бы такъ волноваться и изъ-за Арабажина и изъ-за банкета, устроеннаго Ясинскому, и изъ-за веселыхъ противорѣчій Чуковскаго, не надо было бы даже приходить въ паническій ужасъ отъ Арцыбашевской проповѣди самоубійствъ до той, по крайней мѣрѣ, поры, пока самъ Арцыбашевъ не обратитъ свое

слово въ дѣло, хотя, вообще говоря, арцыбашевщина, конечно, серьезнѣе и грознѣе и Арабажина и Ясинскаго...

Сплошь и рядомъ важное Горькій смѣшиваетъ съ пустяками. Индивидуалистическая выходка какого-то господина, желающаго „ради мгновенія свободы выкинуть за форточку всю вселенную съ ея жалкой пользой",—просто жалкая глупость, не заслуживающая даже улыбки. Но вотъ потокъ санинства и порнографіи, хлынувшій въ русскую литературу изъ журналовъ, подымавшихъ знамя „соціальнаго демократизма" и освящавшихъ этимъ знаменемъ простую распущенность, — явленіе серьезное. Скандалы литераторовъ въ трактирѣ „Вѣна", при всей ихъ отвратительности, едва ли заслуживаютъ какого-нибудь вниманія, а вотъ колоссальный успѣхъ „Ключей счастья" Вербицкой или огромный ростъ уличной прессы, завоеванной „капиталомъ" и ловкими гешефтмахерами,—это явленія серьезныя, заслуживающія изученія.

Къ сожалѣнію, М. Горькій какъ будто нарочно избѣгаетъ продумывать свою мысль до конца, избѣгаетъ точныхъ мыслей и предпочитаетъ расплывчатыя, туманныя, лишенныя конкретности широковѣщанія. Не мало достается отъ него уличной прессѣ. И въ то же время онъ, по обыкновенію не конкретизируя, но мѣтя очевидно въ какую-то идейно ему непріятную группу, обрушивается на „комическую угодливость лакеевъ", спѣшащихъ услужить „буржуазіи", „къ непрошеннымъ услугамъ которой буржуа относится со скептицизмомъ вполнѣ естественнымъ". Но кто на самомъ дѣлѣ спѣшитъ услужить русской буржуазной толпѣ? Это давно извѣстно: это та самая уличная печать, которая, служа улицѣ, громче всего кричитъ противъ буржуазіи, противъ мѣщанства, клянется своимъ демократизмомъ.

М. Горькій помѣстилъ свои статьи въ *Русскомъ Словѣ*,—газетѣ, которая послѣ *Новаго Времени* является самымъ крупнымъ продуктомъ русскаго капитализма въ газетной области. Въ своей статьѣ онъ, напримѣръ, бросаетъ „современности" такой, въ значительной мѣрѣ справедливый, упрекъ: „О женщинѣ говорили вы, какъ о подругѣ и товарищѣ,—а сегодня гогочете и хихикаете, когда хулиганы, вами же созданные, оголяютъ ее, издѣваются надъ нею" и т. д. И въ томъ же самомъ № *Русскаго Слова* (№ 51) вслѣдъ за статьей Горькаго напечатанъ такой отчетъ о рефератѣ Ады Чумаченко о „случайномъ материнствѣ":

„Поэтесса призывала горячо и пламенно:
— Будемъ родить!
— Будемъ гордиться беременностью!
Но при условіи:
— Любить!
„Бракъ безъ любви—сочиненіе безъ темы".
И было радостно вторить ей:
— Дѣтей! Какъ можно больше дѣтей!

Но почему же не было рояля?
Новый родъ искусства:
— Дѣтодекламація.
Я не буду говорить по существу доклада.
Въ вопросахъ дѣторожденія...
Короче говоря, я не поэтъ и не музыкантъ.
Я профанъ.
И къ тому же, какъ тонко замѣтила одна изъ оппонентокъ, „мужчина не способенъ родить“.

И т. д. и т. д.—строкъ на сто.

Быть можетъ, изъ сопоставленія своей статьи съ этой замѣткой г. Горькій *ощутитъ, что̀ такое на самомъ дѣлѣ* „уличная пресса“, каковы бываютъ въ дѣйствительности „лакеи буржуазіи“ и какъ капитализмъ умѣетъ и самого Горькаго и его предики использовать въ своихъ цѣляхъ. За тотъ же самый алтынъ читателю предлагаютъ и „гоготанье“ надъ женщиной и горячій протестъ Горькаго противъ этого „гоготанья“. Грѣхъ—и тутъ же отпущеніе грѣха. И вотъ это явленіе неизмѣримо печальнѣе и важнѣе, чѣмъ подмѣченные Горькимъ литераторскіе грѣшки, вродѣ писанія глупаго коллективнаго романа. Десятки изданій съ восторгомъ привѣтствовали „огненное слово“ Горькаго, какъ они писали, а рядомъ продолжали служить улицѣ, угождать дурнымъ вкусамъ толпы...

V.

Прошелъ медвѣдь черезъ лѣсъ и обломалъ множество вѣтвей... нерѣдко совершенно понапрасну, ибо дорога шла близко... Если бы дѣло ограничилось однимъ ломаньемъ вѣтокъ, не стоило бы на этомъ долго останавливаться и подымать понапрасну изломанныя вѣтки.

Статьи Горькаго представляютъ несомнѣнный интересъ потому, что *онъ сквозь чащу продирался къ опредѣленной и важной цѣли.* Онъ ищетъ русскую демократію, и, конечно, эти исканія—самое важное, что только и можетъ быть въ настоящее время у русскаго человѣка. Въ этомъ — узелъ всѣхъ вопросовъ, въ этомъ загадка будущаго. Своимъ могучимъ національнымъ инстинктомъ Горькій чувствуетъ, къ какому роковому пункту подошла Россія. „Мы живемъ въ очень строгое время, оно грозитъ великими драмами, — говоритъ онъ,—требуетъ напряженія всѣхъ творческихъ силъ, единенія всѣхъ, кто способенъ къ созданію новыхъ, свободныхъ формъ жизни, а дезорганизація между нами все растетъ, дѣленіе на группы все развивается“. Вотъ въ этихъ словахъ указана дѣйствительно серьезная опасность, затронута огромной важности тема... Только что освободившись изъ кружкового плѣна, Горькій горячо протестуетъ противъ „групповыхъ интересовъ“, противъ круж-

кового злобничанья и взаимопоѣданія. Онъ приглашаетъ литературу „встать надъ интересами группъ“ и служить демократіи. Въ этомъ призывѣ чувствуется вѣрное пониманіе момента, въ немъ слышится честный убѣжденный голосъ гражданина. Но надо же опредѣлить, что̀ такое демократія. Мелкія группы, отдѣльные кружки только тѣмъ и занимаются, что исключаютъ изъ рядовъ демократіи каждую группу съ нѣсколько отличными вѣрованіями. Правда, не нынче это зло возникло. Еще покойный Надсонъ жаловался: „Но странно—собратья по общимъ стремленьямъ и спутники въ жизни на общемъ пути—съ какимъ недовѣрьемъ, съ какимъ озлобленьемъ другъ въ другѣ врага мы *старались найти*“. Теперь это зло разрослось въ огромныхъ размѣрахъ. И тотъ писатель, который, дѣйствительно, станетъ выше „группъ“ и ощутитъ въ своей душѣ голосъ подымающейся русской демократіи, непремѣнно, какъ и Горькій, заговоритъ противъ „дробленія на фракціи“, противъ партійнаго сектантства, деспотизма... Вполнѣ ли однако освободился отъ этихъ грѣховъ самъ Горькій?

Обѣими руками надо подписаться подъ слѣдующими его словами: „Русская революція была актомъ великаго культурнаго значенія, ее нельзя сводить къ болѣзненнымъ явленіямъ, какъ это дѣлаютъ у насъ „гасители духа“, она была здоровымъ поворотомъ Россіи къ западу. Всюду тихо, но непрерывно разрушается старый бытъ... медленно строится новая Русь... въ странѣ народился новый типъ рабочаго, крестьянина, купца“... Правда это. Строится новая демократическая Русь. Но вѣдь тѣ критики русской революціи, которыхъ Горькій, со свойственнымъ ему туманнымъ обобщеніемъ, роднитъ съ „гасителями духа“, никогда и не отрицали великаго культурнаго значенія недавно пережитаго движенія. Они только указывали — и притомъ вполнѣ конкретно — на присущія ей болѣзненныя явленія, призывали къ борьбѣ съ ними. Они прямо указывали на Азефа, на высокомѣріе и нетерпимость, поверхностность образованія, на санинство, на экспропріаторскую грязь, какъ на тѣ явленія русской революціи, которыя облегчили побѣду реакціи, и утверждали, что это—явленія не случайныя, а вытекающія изъ нѣкоторыхъ „вѣрованій“ русской интеллигенціи, порожденныхъ абсолютизмомъ. Теперь противъ этого не споритъ и Горькій. Въ *Запросахъ Жизни* (№ 7) онъ, напр., пишетъ: „Внимательный пересмотръ „вѣрованій“ совершенно необходимъ послѣ тѣхъ глубокихъ волненій, которыя пережиты страной—такъ! Этотъ пересмотръ слѣдовало бы сдѣлать спокойно, всесторонне, строго подчеркивая поучительныя ошибки прошлаго, но не теряя уваженія къ великой работѣ отошедшихъ людей“. Но почему же тогда вы сами не сдѣлали этой необходимой работы? Тѣ, которымъ она выпала на долю и которые взялись за нее, отлично зная, что за нее ихъ будутъ распинать и преслѣдовать, были бы только рады, если бы

такіе писатели, какъ Горькій, сдѣлали бы ее „спокойно и всесторонне“, „строго и осторожно“... Но работа сдѣлана и, какъ бы ни ругали *людей, взявшихся за нее, свою большую пользу* она принесла. Теперь ужъ идейная молодежь не увлечется ни санинствомъ, ни экспропріаторствомъ. Дорога для моральнаго возрожденія великой русской освободительной арміи расчищена. Теперь уже нечего долго останавливаться на ошибкахъ и грѣхахъ прошлаго, а надо итти къ будущему. Надо искать и организовывать элементы русской демократіи, надо намѣчать и разсматривать предстоящія ей задачи.

VI.

Этихъ задачъ—непочатый край, и каждая изъ нихъ требуетъ любовнаго изученія прошлаго, глубокаго уваженія къ нему. Въ сферѣ литературной, какъ мы видѣли, главная задача въ синтезѣ двухъ традицій, художественной и публицистической... Въ сферѣ соціально-политической передъ молодой русской демократіей предстоятъ задачи не менѣе трудныя *и не менѣе важныя*. Какъ уже указывалось, Горькій *боится*, что „не будетъ ничего удивительнаго, если въ чаду націонализма временно задохнется не только *нашъ неокрѣпшій соціализмъ, но и шаткій нашъ* демократизмъ“. Мы опасеній М. Горькаго не раздѣляемъ. О „нашемъ соціализмѣ“ говорить теперь не будемъ, ибо это—тема огромная. Мелькомъ затронувшій ее Горькій, вѣроятно, и самъ не подозрѣваетъ, въ какой мѣрѣ сложенъ вопросъ о „русскомъ соціализмѣ“. Надо признать, что именно этотъ особый, специфическій, русскій „народническій“ соціализмъ и игралъ огромную роль въ нашей жизни до самыхъ послѣднихъ дней вопреки высокомѣрнымъ заявленіямъ марксистовъ, которые въ большей своей части оказались въ рѣшительную минуту тоже перелицованными на русскій народническій ладъ. Соціалъ-демократизмъ, опирающійся на болѣе или менѣе организованныя рабочія массы, займетъ, конечно, въ русской жизни опредѣленное мѣсто, но ничего подобнаго прежнему „русскому соціализму“ онъ не создастъ. Этотъ „русскій соціализмъ“ всецѣло опирался на крестьянскую земельную общину, на сельскій міръ, обособленный отъ людей другихъ сословій, отъ условій *городской жизни*, со временъ Петра *безповоротно* перешедшей къ мѣновому хозяйству... Русская революція острымъ ножомъ врѣзалась въ грудь *крестьянской общины*. Для людей *реально мыслящихъ* теперь не можетъ быть сомнѣнія, что крестьянская демократія (т.-е. огромное большинство народа) будетъ строиться и у насъ, какъ вездѣ въ Западной Европѣ, только на основѣ личной собственности на землю, что организація этой демократіи должна опираться на кооперацію, на сѣть свободныхъ союзовъ, а не принудительныхъ, какимъ была община...

Но эта тема такъ велика, что въ нѣсколькихъ словахъ на нее даже не намекнешь и лучше ее отложить до другого раза. Скажемъ два слова о „нашемъ шаткомъ демократизмѣ"...

Вторая статья М. Горькаго „О современности" начинается классическимъ общимъ мѣстомъ: „Право на исключительное вниманіе къ нему великорусское племя получило отъ его науки и литературы". Вотъ поистинѣ фраза, которую можно услыхать на каждомъ шагу, что, однако, не мѣшаетъ ей быть не то что невѣрной, но не вполнѣ вѣрной, скрывающей вторую половину правды и потому полуфальшивой. Въ дѣйствительности вѣдь „право на исключительное вниманіе къ нему великорусское племя" получило отъ того, что создало огромное государство, отъ Нѣмана до Великаго Океана, вмѣщающее въ себѣ сотни племенъ. Можно считать величину и разноплеменность Россіи явленіемъ опаснымъ для государства, можно сердиться на исторію и скорбѣть, что территоріальное расширеніе Россіи сопровождалось многими насиліями и жестокостями, но факта нельзя не признать и его надо принять. Русская демократія должна принять русское государство и она не можетъ растратить доставшееся ей отъ предковъ достояніе, а должна его упорядочить и улучшить. Въ этомъ—узелъ политическаго вопроса демократіи.

Чѣмъ хотите вы ее видѣть? Безсильной, хотя и шумливой оппозиціей, или настоящей дѣйственной силой, подлинно строящей жизнь, созидающей „новую Русь"? Въ первомъ случаѣ она можетъ занять очень выигрышную и въ сущности очень легкую, чисто-отрицательную позицію: все критиковать, соблюдать бѣлоснѣжную чистоту своихъ одеждъ, чуждаться грѣха мірского. На этой позиціи всегда выигрываетъ тотъ, кто болѣе рѣшительно отрицаетъ... М. Горькій если не сознаетъ, то чувствуетъ, что русскій анархизмъ какъ-то сродни пассивному отношенію къ жизни. Несмотря на парадоксальность этой мысли, въ ней много вѣрнаго...

Но если желать демократіи дѣйственной, если бороться за то, чтобы она дѣйствительно пришла въ реальную, а не выдуманную жизнь и начала ее дѣйствительно устраивать, то надо готовить демократію къ власти, надо учить ее государственности. Русская демократія должна быть государственной. Иначе она либо навсегда останется говорящей, а не дѣйствующей оппозиціей, либо на короткій мигъ разрушитъ старое лишь для того, чтобы противъ своей воли помочь разрушенію государства и низведенію Россіи на степень московскаго княжества.

Если русская демократія будетъ государственной, никакіе „національзмы" для нея страшны не будутъ. Напрасно М. Горькій повторяетъ хотя избитое, но совершенно ложное мнѣніе, будто въ Австріи „борьба племенъ безплодно пожираетъ массу энергіи, явно задерживая куль-

турное творчество". Борьба племенъ вноситъ въ жизнь много дурного, но она имѣетъ и положительныя стороны, если государство обладаетъ силой ввести въ извѣстныя рамки ея проявленія. Въ той же Австріи культурное развитіе Богеміи и Моравіи быстро пошло впередъ только съ тѣхъ поръ, какъ чехи вступили въ борьбу съ нѣмцами. Въ этой борьбѣ и съ той и съ другой стороны было совершено много нежелательныхъ эксцессовъ, но нельзя же серьезно отрицать культурное значеніе чешскаго національзма въ Австріи или польскаго націонализма въ Пруссіи, украинскаго — въ Галиціи, латышскаго — въ Остзейскомъ краѣ. А вѣдь всѣ эти націонализмы возникли и растутъ на почвѣ „борьбы племенъ"...

Если демократизмъ будетъ государственнымъ, ему не угрожаетъ опасность „задохнуться въ чаду націонализма". Онъ сможетъ всякому „націонализму" указать границы, диктуемыя высшими интересами, и предоставить націонализму свободное развитіе лишь въ той мѣрѣ, въ какой оно не грозитъ существованію государства, какъ цѣлаго. Нашъ нынѣшній торжествующій „націонализмъ" Балашевыхъ и Крупенскихъ, дикій, безсмысленный, насильственный, некультурный и безыдейный, представляетъ въ первую голову опасность не для демократизма, а для самого государства. Борясь съ нимъ, демократія борется за русское государство, за *Россійскую Имперію*, за *Великую Россію*. Она должна осознать этотъ фактъ и сдѣлать изъ него всѣ выводы...

А. С. Изгоевъ.